

Гуманнейшему и страстному поэту Перцу Маркишу исполнилось бы в эти дни семьдесят лет... И в нашей стране, и ценители высокой поэзии Маркиша за рубежом торжественно отметили юбилей талантливого советского поэта и прозаика.

В нашем еженедельнике (№ 34, 1963) был опубликован отрывок из романа Перца Маркиша «Поступь поколений». В предисловии к роману Маркиша, написанном Всеволодом Ивановым, есть такие строки:

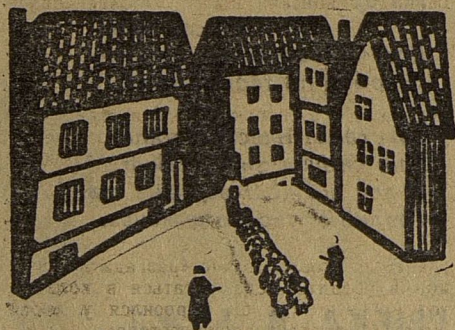
«Страницы «Поступи поколений» вопиют о горестях и победах русского, польского, еврейского народов. Нацисты стремились стереть с лица земли одинаково как русских, так и поляков, так и евреев. Вот о чем говорит книга, страницы которой сейчас перед вами».

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей новый отрывок из романа, который на еврейском языке выйдет в издательстве «Советский писатель».

«Старый учитель из Дома сирот» — не вымышленное лицо. Настоящее имя этого замечательного человека — Генрик Гольдшмит. Врач, учитель и писатель (выступавший под псевдонимом Януш Корчак), этот человек-легенда был директором и душой варшавского «Дома сирот». Всю свою жизнь он отдал самым обездоленным детям. И погиб в газовой камере лагеря Трельбинка вместе с детьми, загубленными фашистскими варварами... Это было в августе 1942 года.

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ ИЗ ДОМА СИРОТ

Перец МАРКИШ

КОГДА палачи вошли в Дом сирот, дети завтракали. Один из малышей был нездоров. Старый учитель сидел подле него с лекарством в руках. Учитель рассказывал сказку, ребенок слушал. О голубе и голубке рассказывал старый учитель — о двух голубках, что рвались навстречу друг другу, но были разделены рекою Самбатин.

— И они не могут соединиться, — огорченным тоном говорил старый учитель, — потому что всю неделю река мечет камни так высоко и далеко, что и близко к берегу не подступиться. А камни те огненные и падают со страшным грохотом. Всю неделю голуби воркуют без устали и слышат друг друга, но перелететь реку не могут.

— А в субботу, — спросил больной малыш, — в субботу Самбатин тоже мечет камни?

— Нет, милый, в субботу река камни не мечет, в субботу река отдыхает, но и голуби тоже отдыхают в субботу. Вот почему они не могут встретиться друг с другом... Никан не могут...

Ребенок принял лекарство, и его большие глаза были полны жалости к двум голубкам, которые ни в будни, ни в субботу не могут встретиться друг с другом.

В сказку учителя о реке Самбатин и ворвался топот палачей, окруживших Дом сирот.

Учитель увидел через окно цветы, посаженные детьми и раздавленные сапогами палачей. Втопанные в сырую осеннюю землю, пестрели раздавленные цветы и разбросанные кубики, из которых дети, играя, складывали дома и замки. Ограда сада была повалена.

Палачи не заметили учителя. Они наполнили ужасом коридор и первую комнату, и ужас рвался к детям.

Они вошли, и старый учитель, сидевший подле больного ребенка, встретил их молча, и этот молчаливый взгляд его добрых глаз хотел сказать палачам, что учитель знает, зачем явились они к детям в их Дом сирот.

— Кто здесь Якуб Гольдшмит? — спросил один из вошедших. — Доктор Гольдшмит? — поправился он.

— Это я, — спокойно и с достоинством отвечал учитель.

— Сколько детей в вашем доме? — продолжал немец, обводя глазами сирот.

— Столько, сколько мне удалось спасти, — с горечью ответил учитель.

— От чего вы их спасали?

— От смерти, — сложив руки на коленях, сказал старый учитель. — От голода и болезней...

Он мало изменился с той поры, когда впервые открыл этот светлый дом для сирот на Крахмальной улице. Правда, бледность его лица выдавала мучительный и непрестанный страх за судьбу детей, загнанных в гетто, но высокий, весь в морщинах лоб с мудрым упорством властвовал над страхом, и старый учитель не давал воли отчаянию и тем оберегал от страха и отчаяния своих воспитанников.

Старый учитель, несравненной чистоты человек, — каждая черточка в его лице отшлифована была временем и мыслью, — человек, который всю свою жизнь, час за часом, отдавал детям, весь век свой думал о них, писал для них книги, поднимал и взращивал их, сеял в их душах лучшие семена и, наконец, просветленных и окрыленных выводил их в жизнь, в широкий мир, — старый учитель хорошо знал, перед каким противником он стоит. Он знал, отлично знал, что вместе со своими сиротами плывет на обломке разрушенного мира без всякой надежды на спасение, что пропасть и гибель поджидают его и его сирот в конце этого плавания. Он прекрасно все сознавал, но должен был старательно скрывать свое знание от детей. Как хлопотливая наседка с птенцами, он день и ночь возился со своими сиротками, кормил их, умывал, рассказывал им сказки, играл с ними в самые веселые детские игры. У него всегда были наготове и волчок, и картинки, и клей, и ножницы, и книжки, и сердце, полное любви, и полная сказок голова. И все эти богатства были заслоном на пути убийц, щитом, за которым он прятал детей от глаз извергов и убийц. Всеми этими нехитрыми средствами он пытался скрыть от детей угрозу смерти, которая постоянно висела над ними в гетто, чтобы они не видели ничего дальше своего садика и высаженных под окнами цветов.

От себя он не скрывал правды: раньше или позже настанет час ужаса и неизбежности. Зверь распахнет свою кровавую пасть и поглотит детей... Он понимал с самого начала, что настанет час, когда уже ничто не поможет. Зверь сметет непрочный заслон и своим кровожадным взором вопьется в лица детей. И тогда ни садик с нежными цветами, ни игрушки, ни сказки, которые он сочинял без устали, без конца, чтобы дети забыли, где они, чтобы они видели себя в далеком волшебном мире, а не здесь, за глухой стеной гетто, — тогда ничто не поможет, но все оборвется, как обрывается звук пастушьей свирели, когда на стадо набрасываются волки.

И час настал. Вот он! Старый учитель больше не может защищать своих сирот. Он стоит перед палачами обезоруженный, а они приказывают:

— Приготовить детей!

Эти страшные слова, пропитанные дышанием смерти, не миновали и его сирот! Они звучат в сердце учителя, и земля уходит у него из-под ног — старых, но еще крепких ног. Все время отгонял он этот час от своих детей, все время заглушал в себе звук этих страшных слов, и в конце концов он все же ворвался к нему в его Дом сирот. Вот он! Он уже здесь! Он одет в черную каску. На рукаве у него череп и скрещенные кости на фуражке. Их двое. Трое. Их полмира. И этот растоптанный, отравленный мир ничем не остановишь, не уймешь. Он не знает, что такое ребенок, что такое мать, что такое цветок... С отчаянием и тоской смотрит старый учитель на своих

сирот: «Чем же теперь отгородить их от смерти? Хотя бы еще минуту, хотя бы одно мгновение! Может быть, свершится чудо? Может быть, этот растленный, грязный мир сгинет?..»

И взор его судорожно перебегаем с одного ребенка на другого. И, спохватившись, он обращается к палачам:

— Дети завтракают, пусть бедняжки закончат завтрак...

Старый учитель смотрел на последний завтрак своих сирот — на тарелки и ложки, которые никогда больше им не понадобятся, и думал о том, что радостный шепот умолкнет сегодня навсегда. И с сердцем, раздробленным на куски, он переходил от одного и другому и тихо уговаривал их:

— Ешьте, детки!.. Ешьте, все остывает...

И хотя этот тихий голос уже не в силах был поднять опущенные ложеч-

рашенный черепом, как ребенок смотрит и вдруг обращается к учителю и пальчиком указывает на череп:

— Что это, учитель?

Язык у старого учителя на миг прилипают к небу, глаза блуждают, перебегают с ребенка на череп и снова на ребенка. Он тут же отводит мальчика в сторону и принимается успокаивать его:

— Ничего, ничего!.. Не смотри...

И, охватив взором всех детей сразу, как бы прощаясь с ними, повторил: — Ничего!..

И тут же вспомнил, что уже говорил эти слова, что вовсе не то он хочет сказать. Не то, совсем другое! Да! Он увиливает. Он пытается увильнуть! И стиснутый отовсюду гестаповцами, он с болью выдавливает:

— Одевайтесь, дети!..

Он отворачивается. Он не хочет видеть, как они одеваются. Он не хотел произнести эти слова и теперь не хочет видеть, как они исполняют то, что он все-таки выговорил. Где его глаза? Где его сердце? Разве оно не с детьми? Так чего же он стоит? Почему не перережет себе глотку? Почему не выколет глаза? Ведь они уже одеваются, его сироты! И если он не смотрит, что с того? Все равно они оденутся! Вот они уже одеты. Теперь ему тоже надо одеться. И он снимает с крючка свое старомодное пальто.

Гестаповец открыл свой черный, как гроб, рот и прошипел:

— Доктор Якуб Гольдшмит, государственный служащий первой категории, имеет право остаться...

Учитель Якуб Гольдшмит даже не обернулся в его сторону. На миг он замер, ссутулившись, просунул одну руку в рукав пальто, — и шипенье гестаповца пролетело мимо, точно не имело к нему ни малейшего отношения, — а потом спокойно проделал руку во второй рукав, и начал расстегивать детей в пары, и кивал им головой, с одного снял пушинку, другому поправил воротник, и меж этих последних ласк, которыми он мог еще согреть и ободрить своих сирот, он промолвил:

— Как я могу отпустить моих сирот с вами? Кто же это отпускает с вами своих детей? Мы пойдем вместе!

И он подошел к больному малышу, которому не успел досказать сказку про реку Самбатин, поднял его на руки и сказал:

— Ешьте, мои маленькие!..

И дети, как всегда, слушались своего доброго учителя. С сокрушением смотрели они на него, такого печального и растерянного, и ели со слезами на глазах, и кивали головами:

— Мы едим, учитель, мы едим...

Рисунки Е. СКАКАЛЬСКОГО

И очень старательно утерли губы салфетками, и поднялись из-за стола, и не знали, что делать дальше. Они смотрели на удрученного учителя, и детские заплаканные глаза безмолвно говорили:

— Мы уже поели, учитель...

— Уже! — спохватился старый учитель. — Уже поели, я вижу...

Что он скажет им теперь? Он, раскрякший перед ними мир, его красоту, его свет и радость, он, распахнувший перед ними дверь в жизнь и расстеливший за нею, за этой дверью, ковер из самых красивых сказок?.. Им еще столько предстояло услышать и познать, а они уже завершили свою последнюю трапезу в этом мире... Так что же он может им сказать?.. Его обступили и стиснули черные каски, черепа и скрещенные кости... И он видит, как один малыш подходит к палачу, который торопит его учителя, он видит, как мальчик разглядывает рукав, ук-

— Идемте, дети! С большим ребенком на руках он двинулся впереди своих питомцев и, следя, чтобы пара чинно следовала за парой, продолжал рассказ о двух голубках.

Детская процессия направилась к перекрестку улиц Генша и Окупава, и старый учитель, то и дело оборачиваясь к своим детям, рассказывал больному малышу:

— Да... И голуби воркуют... воркуют... А река Самбатин мечет камни... А голуби рвутся друг к другу и никак не могут соединиться. И воркуют, воркуют...

Больной ребенок обхватил шею старого учителя, прижимался к нему и плакал...

А учитель все шел впереди детей и так исчез в глубине площади...

С еврейского.

Перевод Э. ЛАЗЕВНИКОВОЙ